

Информация для цитирования:

Гончаров В. Н. Женские монастыри Северного Кавказа в православном женском подвижничестве XIX — начала XX веков / В. Н. Гончаров, П. Г. Немашкалов, О. М. Кукленко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 422—439. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-422-439.

Goncharov, V. N., Nemashkalov, P. G., Kuklenko, O. M. (2025). Women's Monasteries of North Caucasus in Orthodox Female Asceticism from 19th to Early 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (6): 422-439. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-422-439. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Женские монастыри Северного Кавказа в православном женском подвижничестве XIX — начала XX веков

Гончаров Вадим Николаевич

orcid.org/0000-0002-0040-4801

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
vgn1968@rambler.ru

Немашкалов Павел Григорьевич

orcid.org/0000-0003-0874-3661

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории и методики
истории и обществознания,
корреспондирующий автор
paul_2@rambler.ru

Кукленко Оксана Михайловна

orcid.org/0000-0001-9185-5976

аспирант, старший преподаватель
кафедры теории и методики истории
и обществознания
kuklenko1997@yandex.ru

Ставропольский государственный
педагогический институт
(Ставрополь, Россия)

Women's Monasteries of North Caucasus in Orthodox Female Asceticism from 19th to Early 20th Century

Vadim N. Goncharov

orcid.org/0000-0002-0040-4801

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor, Department of Philosophy
vgn1968@rambler.ru

Pavel G. Nemashkalov

orcid.org/0000-0003-0874-3661

Doctor of History, Associate Professor,
Professor, Department of Theory
and Methodology of History
and Social Studies,
corresponding author
paul_2@rambler.ru

Oksana M. Kuklenko

orcid.org/0000-0001-9185-5976

Postgraduate Student, Senior Lecturer,
Department of Theory and Methodology
of History and Social Studies
kuklenko1997@yandex.ru

Stavropol State
pedagogical University
(Stavropol, Russia)

© Гончаров В. Н., Немашкалов П. Г., Кукленко О. М., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование представляет собой вклад в анализ церковно-монастырской системы в синодальный период истории Русской Православной Церкви, до начала глобальных изменений, связанных с революцией 1917 года и Гражданской войной. Охарактеризованы все женские монастыри Северного Кавказа, появившиеся и функционировавшие в период XIX — начала XX веков. Сообщается, что первая женская обитель в регионе была учреждена в Моздоке в 1797 году, но просуществовала недолго, а затем на Северном Кавказе к действующим мужским обителям прибавились женские только в 1840—1860-е годы. Отмечается, что далее законодательно стало возможным преобразование обители в монастырь. Установлено, что большинство женских монастырей на Северном Кавказе возникли на базе женских общин, и лишь небольшая их часть были созданы изначально в статусе монастыря по решению властей региона. Показан процесс трансформации положения женских монастырей в обществе, связанный с развитием женского православного подвижничества. В ходе анализа темы показан уклон работы провинциальных женских монастырей в миссионерскую и просветительскую работу. Выявлено, что все монастыри региона основывались на принципах общежития, существовали за счет собственных заработков и сбора пожертвований, имели возможности для строительства церковно-храмовых комплексов, организовывали просветительскую деятельность.

Ключевые слова:

женские монастыри; Северный Кавказ; женское православное подвижничество; история Русской Православной Церкви.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study contributes to the analysis of the ecclesiastical-monastic system during the Synodal period of the Russian Orthodox Church, prior to the sweeping changes brought about by the 1917 Revolution and the Civil War. It characterizes all women's monasteries that emerged and operated in the North Caucasus during the 19th and early 20th centuries. The first female monastic community in the region was established in Mzodok in 1797, though it was short-lived. It was not until the 1840s to 1860s that women's monasteries began to supplement the existing male monastic establishments in the North Caucasus. The study notes that subsequent legal reforms enabled the transformation of convents into monasteries. It has been determined that most women's monasteries in the North Caucasus originated from female communities, with only a small fraction being founded as monasteries by regional authorities. The research illustrates the evolving status of women's monasteries within society, linked to the development of female Orthodox asceticism. Through an analysis of this theme, it highlights the missionary and educational focus of provincial women's monasteries. It has been revealed that all monasteries in the region operated on principles of communal living, sustained themselves through their own earnings and donations, had opportunities for constructing church complexes, and organized educational activities.

Key words:

Women's Monasteries; North Caucasus; female Orthodox asceticism; Russian Orthodox Church History.

Женские монастыри Северного Кавказа в православном женском подвижничестве XIX — начала XX веков

© Гончаров В. Н., Немашкалов П. Г., Кукленко О. М., 2025

1. Введение = Introduction

С момента становления христианства на Руси православные монастыри осуществляли важнейшую миссию по духовно-нравственному просвещению народа. Они сыграли большую роль в инкорпорации окраин в систему социокультурных отношений страны. Организованная ими помощь нуждающимся служила эффективным механизмом социальной поддержки людей, столкнувшихся с тяжелыми жизненными обстоятельствами. Одна из первых попыток государственной власти изменить их положение и статус, регламентировать деятельность и установить контроль была сделана при Петре I, а начатые процессы реформирования были продолжены его последователями. В конце XVIII века государство начало принимать меры, чтобы смягчить тяжёлые последствия реформ монастырской системы. Кардинально изменилось положение монастырей только в XIX веке, при этом произошло изменение статуса обителей, а также трансформировалась сама идея православного подвижничества.

Проблеме православного женского подвижничества в отечественной историографии посвящено немного работ. Первыми в этой области стали обобщающие труды Л. И. Денисова [Денисов, 1908] и В. В. Зверинского [Зверинский, 1890]. Несмотря на зафиксированную авторами тенденцию изменения общественного положения мужских и женских обителей, эти исследования не содержат комплексного анализа причин и последствий этого явления.

Последующий советский период, характеризовавшийся строгими идеологическими установками, не способствовал появлению глубоких исследований по поднимаемым нами проблемам. Одной из немногих значимых попыток в этом направлении стала работа И. К. Смолича [Смолич, 1997] о русском монашестве. Несмотря на хронологическую широту, автору удалось успешно проследить основные тенденции развития монастырской системы и осветить вызовы, с которыми она столкнулась в XX веке. От-

дельно им анализируется история женских православных обителей, в деятельности которых, в отличие от мужских обителей, он выделяет социально-благотворительную миссию.

В настоящее время появляются исследования, системно анализирующие проблемы дореволюционной историографии. В числе этих работ можно выделить труды П. Н. Зырянова [Зырянов, 2002] и О. В. Кириченко [Кириченко, 2010], которые вывели проблему женских православных обителей на новый уровень. Ими показана не только специфика положения монастырей в российской империи, но исследован религиозный и социально-культурный феномен женского православного подвижничества.

В своем исследовании мы остановились на анализе положения женских монастырей Северного Кавказа в контексте развития женского православного подвижничества в провинциальной России. В отличие от всех предыдущих обзорных исследований, данная работа переносит акцент на повседневную жизнь обителей российской провинции, их вовлеченность в хозяйственную деятельность региона и роль в развитии социокультурного пространства.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Обращаясь к истории женских монастырей российской провинции, каждый исследователь сталкивается с большим массивом источников, опубликованных и архивных, в том числе еще не введенных в научный оборот исторической науки. Для понимания их статуса и границ деятельности в первую очередь необходимо брать за основу разновременные законодательные акты Российской империи, включенные в Полное собрание Законов Российской империи или вошедшие в Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Поскольку многие из них уже проанализированы в указанных работах П. Н. Зырянова и О. В. Кириченко, то отдельно на их анализе внимание в статье не заострялось. Основной источниковой базой выступили документы Государственного архива Ставропольского края [ГАСК]. В настоящем исследовании проанализированы дела фонда 135 «Ставропольской духовной консистории», отражающие специфику положения монастырей исследуемого периода.

Методологической основой работы послужили как общие, так и частные методы научного познания. На основе метода структурного анализа был проанализирован статус женских монастырей в XIX — начале XX веков. Формально-логический метод позволил изучить действующее законодательство Российской империи относительно вовлеченности православных женских обителей в социокультурное пространство общества. Историко-сравнительный метод позволил сопоставить положение женских

монастырей в разные периоды православного подвижничества и выявить специфику их деятельности в провинциальной России. Историко-системный метод позволил в комплексе провести соотношение положения женских обителей на разных этапах развития российского общества в XIX — начале XX веков.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Характер монастырских реформ XVIII века и их последствия

В 1721 году был издан «Устав Духовной Коллегии», который определял правовое положение Православной церкви в Российской империи. В прибавлении к регламенту содержался раздел «О монахах», опубликованный в 1722 году, который состоял из 61 правила. На протяжении всей последующей истории Русской Православной Церкви (РПЦ) государство активно вмешивалось во внутреннюю жизнь монастырей. Законодательная основа постоянно совершенствовалась, но сохраняла тенденцию к различию статуса женских и мужских монастырей.

Самыми масштабными преобразованиями церковно-монастырской системы, повлекшими большие негативные последствия, принято считать монастырские реформы Екатерины II. В 1764 году императрица издает указ о церковных владениях, по которому практически все имущество монастырей изымалось в пользу государства. В собственности у монастырей оставались лишь небольшие участки земли, а взамен изъятой собственности служителям обителей назначалось штатное жалование.

В числе «сверхштатных» монастырей оказалось большое количество бывших жителей обителей. Всех сверхштатных насельниц предполагалось распределить по монастырям по мере появления свободных штатных мест, зачисляя на «убылые места». Государством вводился временный мораторий на постриг и прием в женские обители, так как они оказались сильно ограничены не только в видах собственности, но и в размерах полагающихся участков, и только в XIX веке эта диспропорция между обителями была частично сглажена. После такой широкомасштабной реформы из почти 1 тысячи обителей продолжили свое существование 226 штатных и 161 заштатный монастырь, то есть на всю Православную Русь осталось 387 обителей [Монашество и монастыри в России ..., 2002, с. 199]. Только в наше время на фоне духовно-религиозного подъема число монастырей в нашей стране достигло утраченного значения.

Положение женских монастырей, которое и без того было тяжёлым до реформы, после её проведения ещё более усугубилось, фактически они перешли на полулегальное существование. Среди сестер таких общин довольно часто встречались оставившие монастыри в силу разных обстоя-

тельств монахини [Серафим (Чичагов), архим., 1903, с. 4—5, 268—269]. В своих исследованиях В. В. Зверинский называл эти общины «послушническими монастырями». В вопросе их появления он исходил из того, что после упразднения женских обителей многие послушницы за недостатком помещений и средств были оставлены на произвол судьбы. Оставаясь жить при церквях, они часто строили рядом с ними кельи-хижины и продолжали придерживаться монастырского устава [Зверинский, 1890, с. 5—30].

3.2. Возрождение допетровской традиции в условиях женского подвижничества XIX века

Существовать в пространстве правовой коллизии женские общины долго не могли, поэтому уже с Екатерины II появляются разновременные указы, регулировавшие их положение в системе РПЦ. В период её правления было основано первое женское общежитие, давшее приют при упраздненном монастыре вдовам и престарелым женщинам, в котором вводился общежительный устав, за исполнением которого строго следила утвержденная Синодом настоятельница [Завьялов, 1900, с. 106].

По мере развития общины, становления экономики и уклада законодательством предусматривалась возможность её преобразования в женский монастырь. Согласно проведенным В. В. Зверинским подсчетам, 62 % женских общин было преобразовано в женские монастыри [Зверинский, 1890, с. 14]. Только нормами нового «Духовного регламента» 1842 года они получили самостоятельный статус, но с большими ограничениями; монастыри находились под строгой опекой духовных и гражданских властей.

Духовный подъем женского подвижничества прежде всего был связан с развитием старчества. Духовное и материальное покровительство было, по мнению И. К. Смолича, «особой главой в истории русского старчества» [Смолич, 1997, с. 310]. Именно с ним связано возникновение Дивеевского и Ардатовского Покровского монастырей в Нижегородской губернии, а также ряда других, которые стали примерами женского подвижничества в истории Русской Православной Церкви. Многие распоряжения Синода в отношении женского монастыря присылались не только игуменье, но и архимандриту ближайшего мужского монастыря, который контролировал его исполнение.

По уставу монастыри подразделялись на два вида: общежительные и необщежительные. К 1896 году в России насчитывалось всего 46 мужских общежительных монастыря и 101 женский [Монашество и монастыри в России ..., 2002, с. 309]. Внутреннее устройство этих двух видов монастырей сильно отличалось, но затворничество, отшельничество, старчество и другие виды подвижничества, распространялись как на монахов, так и на монахинь, и статус обители не менял никаким образом сути су-

ществования. Настоятелей необщежительных монастырей выбирал Синод по представлению от епархиальных архиереев двух кандидатов. В общежительных монастырях все происходило иначе: монашествующие сами выбирали себе настоятельницу из своей же среды.

В XIX веке государство пересмотрело условия содержания монастырей и пришло к изменению политики ограничения их прав собственности. Теперь монастыри должны были вести собственное хозяйство, чтобы не зависеть от внешнего мира. Для общежительных монастырей основой монастырской экономики выступала земля, которая обрабатывалась силами членов обители или привлекаемыми сезонными работниками [Ростиславов, 1876, с. 73—76]. В новых условиях очень редко встречались монастыри, у которых не было собственной мельницы. В маленьких монастырях мука производилась в основном для собственных нужд, в то время как монастыри с большими обрабатываемыми участками могли заниматься её продажей [Монашество и монастыри в России ..., 2002, с. 330].

Именно в женских обителях были сосредоточены благотворительные, социально-ориентированные учреждения. Циркулярный указ Синода 1870 года разрешал открытие новых обителей только при условии, если при монастырях устраивались школы и благотворительные заведения. Открывая аптеки и лечебницы, приюты различной социальной направленности, участвуя в войнах в качестве сестер милосердия, насельницы женских монастырей сглаживали остроту социальных проблем в обществе [Денисов, 1908, с. 195—196].

В своих исследованиях И. К. Смолич указывает, что в 1887 году на все монастыри империи приходилось 93 больницы и 66 приютов для престарелых, две трети из которых находились в ведении и на содержании женских обителей, при том, что мужских монастырей было тогда 469, а женских только 202. Почти все они в своих стенах содержали церковно-приходские школы и учебные заведения с ремесленными мастерскими [Смолич, 1997, с. 280].

Численный рост монахинь и послушниц происходил уже с начала XIX века, при этом в мужских монастырях монахов было больше, чем послушников, а в женском, наоборот, послушниц было в несколько раз больше, чем монахинь [Монашество и монастыри в России ..., 2002, с. 250]. Уход женщин в монастыри П. Н. Зырянов объясняет общим настроением «возвращения долга народу», которое было распространено у молодого поколения 1860-х годов. Уходили в монастырь ради служения Богу, у других не складывалась личная жизнь, а третьи были вдовами, которые бежали от гнета патриархальной семьи, чтобы найти приют и «трудиться равными среди равных» [Зырянов, 2002, с. 21].

По мнению И. К. Смолича, эти обстоятельства связаны с реформами Петра I, вследствие которых женщины стали стремиться к самостоятельности и образованию. Последовавшая в 1861 году отмена крепостного права изменила положение женщины в крестьянской семье. В монастыре она имела возможность повысить свой социальный статус и получить бесплатное образование [Смолич, 1997, с. 291—292]. В свою очередь Е. В. Белякова считает, что причины крылись в самом обществе — постепенном разрушении традиционной семьи и росте количества незамужних женщин. Многие женщины, которые не уходили в монастыри, стремились к самообразованию и получению профессии [Белякова, 2001, с. 139].

3.3. Развитие женских монастырей Северного Кавказа

Основанная в середине XVIII века Моздокская крепость на определенное время стала центром миссионерской деятельности и христианской жизни. Произошло это с учреждения в 1793 году впервые на Северном Кавказе самостоятельной Моздокско-Маджарской викарной епархии [Город Моздок ..., 1995, с. 51]. Первым и единственным её епископом Гаием (Такаовым) был воссоздан основанный в 1763 году мужской Преображенский монастырь, а в 1797 году впервые учреждена женская обитель при Успенской городской церкви [Зверинский, 1890, с. 211, 288]. Изменение политической обстановки на Кавказе и смена власти в стране привели к тому, что в 1799 году только Моздокско-Маджарская епархия была включена в состав Астраханской, а моздокские монастыри были упразднены [Жуков и др., 2024, с. 76].

Женское монастырское подвижничество в регионе получило новый импульс только в 1840—1860-е годы, когда к действующим мужским обителям прибавились женские. Связано это было прежде всего с изменением понимания обществом статуса женщины. В 1849 году в Черномории была основана войсковая Черноморская в честь Марии Магдалины общежительная женская пустынь. Ведомственность статуса повлечет за собой в его истории периодические всплески борьбы за управление им, противостояние насельниц казачьего происхождения и иногородних. С 1859 года в кафедральном г. Ставрополе был учрежден Иоанно-Мариинский женский монастырь, который начал свою историю с 1847 года как похоронный приют для вдов и сирот духовного звания [Шаликашвили, 2024, с. 49—50].

Способствовало развитию монашеской жизни и образованию самостоятельной Кавказской кафедры. После поездки по приходам епархии епископ Иеремия (Соловьев) в обращении к Духовной консистории отмечал: «Едва ли в какой епархии было и есть столько сборищ набожных, как на Кавказе. Между причинами нельзя не отметить главную, что многие мужчины и женщины нерасположенные или неспособные к принятию обязанностей житейских и

чувством благочестия, призываемые к жизни уединенной и безбрачной, ... нередко вручают себя какому-либо набожному простаку, ... и под невежественным его руководством образуют особенное селение мужского или женского, или же смешанное общество» [ГАСК, ф. 135, оп. 1, д. 51, л. 71—72].

Среди дел Консistorии нередко были обращения отдельных лиц, желающих посвятить свою жизнь служению Богу без ухода из места своего проживания. Так, согласно рапорту от 23 ноября 1843 года, поданному благочинным Д. Гремяченским, жительница с. Пелагиады, престарелая девица Прасковья Лукинова, просила дозволения устроить ей при местной церкви молитвенный домик. До этого существующий в селе подобный домик при церкви, организованный под руководством указанной крестьянки, был уничтожен. В нем собирались крестьянские девушки для молитвословия, занимались чтением поучений и псалтыря вслух для всех, кто посещал их собрания. Благочинному предписывалось наблюдать за данными сборищами и не допускать их образований [ГАСК, ф. 135, оп. 1, д. 877, л. 976—976 об.]. Сельским правлениям губернии от окружного начальства секретно было предписано выявлять подобных лиц и заключать их под стражу, а окружной начальник поставил на личный контроль ход следствия [ГАСК, ф. 135, оп. 7, д. 195, л. 53—54].

После окончания Кавказской войны и достижения относительной политической стабильности начался новый период в истории монастырской жизни. Процесс инкорпорации Северного Кавказа в социокультурное пространство империи привел к тому, что 1870—1890-е годы учреждаются четыре женских обители. Все устроенные монастыри этого периода, кроме Ново-Покровской обители, по распоряжению Синода, акцентировали свою работу на миссионерской деятельности [Кириченко, 2017, с. 280—181].

Начало XX века ознаменовалось образованием небольших монашеских общин-обителей, на открытие которых больше не требовалось особого императорского указа, достаточно было только разрешения Синода. Несмотря на административные ограничения, в Ставропольской епархии было открыто четыре женских обители, а Крестовоздвиженский мужской монастырь из-за сложившихся тяжелых условий в области монастырской экономики и раскольничьего окружения был преобразован в женский [Куценко, 2023, с. 65—66].

Каждая из существующих женских обителей имела свою историю основания и внесла вклад в развитие социокультурного пространства Северного Кавказа. Все они прошли различные трудности и испытания на пути своего становления, наложившие отпечаток на их авторитет в среде паломников и жителей региона. Их положение к началу Первой мировой войны выглядело следующим образом.

Ставропольский Иоанно-Мариинский женский монастырь располагал пятью храмами. Весь монастырь был обнесен каменной оградой, в пределах которой располагалось более 30 зданий различного назначения. Епископ Кавказской кафедры Иеремия (Соловьев) внес первое пожертвование на его нужды при основании обители, и только при его непосредственном участии этот приют смог развиваться до статуса монастыря [ГАСК, ф. 361, оп. 1, д. 32, л. 1—1 об.]. Среди построек были помещения для сестер, кладовые для провизии и хлеба, экономические и скотный дворы, имелись приспособление для выделки восковых свечей, фотографическая, иконописная, белошвейная, золотошвейная и коверная мастерские. Источником средств для обители были добровольные пожертвования, хлебопашество и огородничество, продажа сена. Всего в собственности обители находилось 233 дес. земли, из которой было 20 дес. леса, вся земля обрабатывалась средствами самого монастыря.

С 1863 года при обители начала действовать церковно-приходская школа на 45 девочек, на содержание которой монастырь выделял ежегодно по 400 руб., в том числе 300 руб. на содержание учительницы при ней. Одним из источников содержания школы были пожертвования, вносимые бывшим преосвященным Иеремией после перехода на другую кафедру [РГИА, ф. 796, оп. 147, д. 733].

В обители к 1914 году находилось: 5 схимонахинь, 106 мантийных монахинь, 235 рясофорных послушниц, 150 временных послушниц, 123 были на испытании. Таким образом, общее число насельниц достигало 619, это кроме 15 человек служащих по найму [ГАСК, ф. 135, оп. 72, д. 907, л. 9—11 об.].

По времени основания, своему ведомственному статусу, успехам в деле укрепления православия и чистоты веры в среде казачьего населения Черноморского (Кубанского) казачьего войска выделялась Черноморская Марие-Магдалинская женская пустынь. Поскольку этот монастырь стал первой женской обителью на Северном Кавказе, то его история не была простой с момента основания. При отсутствии в войске женских учебных заведений, как общественных, так и частных, женская обитель должна была служить местом воспитания девушек. С момента возникновения обитель сразу получила широкую популярность в среде православного населения, и первая игуменья Митрофания в 1851 году просила преосвященного устроить гостиницу для «благочестивых сестер» [ГАСК, ф. 135, оп. 4, д. 212, л. 12].

Посетив монастырь в 1914 году, благочинный игумен Дорофей отмечал, что в монастыре, помимо старого деревянного храма, предназначенного к сносу, находилось еще три храма. Среди них выделялся кирпичный

соборный, построенный в 1883 году во имя Вознесения Господня, с двумя пределами, при котором располагалась кирпичная колокольня. В пределах каменной ограды монастыря помещались каменный одноэтажный настоятельский корпус; большой каменный двухэтажный корпус, в нижнем этаже которого были устроены монастырская трапезная и кухня; каменное двухэтажное здание для больницы на 15 кроватей; для сестер обители были устроены 4 каменных и 7 турлучных одноэтажных зданий, крытых железом, рассчитанных на 153 кельи.

Ризница и библиотека располагали необходимым и установленным количеством предметов и книг. При церковно-приходской школе обучалось до 43 девочек и мальчиков из окружающих поселений. На территории монастыря действовал детский приют на 20 девочек. Все эти преобразования относятся к концу XIX — началу XX веков — тому времени, когда в регионе сложилась тяжелая обстановка с реализацией продуктов сельского хозяйства, а между тем доход от их продажи составлял существенную статью монастырской экономики [Марие-Магдалинская женская пустынь ..., 2022, с. 32—34]. Данный женский монастырь был единственным на Северном Кавказе, который смог создать для девушек, совершивших преступления, надлежащие условия для их исправления [Немашкалов и др., 2023, с. 438].

Вне ограды обители были построены 4 каменных и 6 турлучных крытых железом дома для священнослужителей обители и приходящих богомольцев. Были устроены скотный и экономические дворы, кирпичный завод и 3 ветряные мельницы. В г. Екатеринодаре обители принадлежал большой двухэтажный каменный дом, который сдавался в аренду. Имелись монастырские иконописная, белошвейная, коверная, малярная и кровельная мастерские. В собственности монастыря находилось 843 дес. земли, из которых 500 дес. обрабатывалось силами самого монастыря, а 343 сдавались в аренду. Хозяйство пустыни велось образцово, поскольку при осмотре в нем было несколько десятков лошадей и более трехсот голов скота, 8 тыс. пуд. пшеницы, 200 ячменя и 300 овса. Основу доходов пустыни составляли добровольные пожертвования. Имелись две торговые лавки, иконно-книжная и бакалейная, свой свечной завод, амбар для ссыпки хлеба и провизии. Работы по ведению хозяйства, уход за огородом и садом исполнялись сестрами обители самостоятельно.

Во главе монастыря Синодом была утверждена игуменья Прискилла, а в обители находились: 1 игуменья на покое, 5 схимонахинь, 105 мантейных монахинь, 57 указных послушниц, 153 рясофорных послушницы и 210 проживающих на испытании, всего — 531 человек. Сестры пустыни питались все вместе в общей трапезной, им выдавался чай и сахар, а жи-

вущим на экономии — верхняя одежда и обувь. Все монахини и послушницы, за исключением некоторых, находились в полном повиновении к настоятельнице [ГАСК, ф. 135, оп. 72, д. 907, л. 22—24 об.].

Среди женских монастырей региона располагался уникальный Спасо-Преображенский Сентинский женский монастырь. На территории монастыря находился один из пяти древних христианских храмов, которые сохранились с X века, образуя единое архитектурное целое с храмами Тебердинского ущелья [Немашкалов, 2024, с. 90]. Возведенный по византийским архитектурным традициям, он за тысячу лет потерял всю красоту отделки и сохранил только каркас стен. Фрагменты настенной живописи храма являлись самым обширным сохранившимся фресковым комплексом на территории Алании. Еще в XIX веке исследователи обнаружили на одной из стен надпись, которая означала, что храм был освящен в 965 году в период правления царя Давида. Ослабление влияния Византии и произошедшие в истории Северного Кавказа в последующем потрясения не обошли стороной и тебердинские храмы [Титоренко, 2017, с. 80].

В конце XIX века несколько послушниц из сестер милосердия, ведомые Е. Макаровой и Е. Финенской, приняли на себя труд возобновления святыни. В 1892 году эта группа женщин создала общину, посвященную Преображению Господню, а уже 22 октября 1897 года указом Синода она была образована в Спасо-Преображенский женский монастырь. Игуменней определили бывшую послушницу Ставропольского Иоанно-Марьянского женского монастыря Евдокию Макарову.

К 1914 году в обители имелось три храма, среди которых был каменный храм, построенный в X веке на горе Бурум-Сырт и возобновленный в 1897 году. В церковно-приходской школе, построенной во имя Василия Георгиевича Красковского, обучалось до 25 мальчиков и девочек. Также был двухэтажный корпус смешанной постройки и 10 одноэтажных деревянных зданий для жилья священников и сестер. Медицинской помощью монастырской больницы пользовались не только сестры обители, но и местное население. Располагал монастырь иконно-книжной и бакалейной лавками, живописной мастерской и небольшим приспособлением для изготовления свечей на нужды обители.

В распоряжении обители всего было 427,3 дес. земли, и большая ее часть, удобная для хлебопашества, располагалась в Баталпашинском отделе. Монастырю принадлежали четыре подворья в разных частях края с жилыми постройками и службами при них. Основным источником средств являлись пожертвования, а также доходы от занятия хлебопашеством, огородничеством и сенокосом. Все труды по ведению хозяйства выполнялись сестрами самостоятельно.

Управляла монастырем игуменья Раиса, в ведении которой находились 26 мантейных монахинь, 39 указных послушниц, 179 послушниц на испытании, всего 244 души. Согласно введенному общежительному уставу сестрам выдавали одежду и обувь. В своем заключении благочинный игумен Дорофей отмечал, что в обители был установлен истинный дух монашества и спокойствия [ГАСК, ф. 135, оп. 72, д. 907, л. 21].

Историю образования Крестовоздвиженского женского монастыря г. Кизляра нельзя назвать стандартной для региона. Данный монастырь был первой мужской обителью на Северном Кавказе, возникшей вместе с городом в 1736 году. Его судьба была тесно связана с самим городом, который неоднократно подвергался нападению и разорению, но усилиями монахов жизнь в нем каждый раз возрождалась. В очерках истории Астраханской епархии сообщается, что «... в конце 1739 года был основан грузинским архимандритом Даниилом при материальном содействии от казны Крестовоздвиженский монастырь исключительно только для проживания грузинских выходцев» [Очерки истории Астраханской епархии ..., 2002, т. 1, с. 203].

Длительное противоречивое сосуществование с окружающим его поликонфессиональным населением и казачеством Северо-Восточного Кавказа, в среде которого широко были распространены идеи раскола, привело к упадку монастырского хозяйства: «Епископ Владикавказский и Моздокский Геден в 1908 году обратился в Синод о преобразовании монастыря в женскую обитель. Учреждался он на условиях общежительного устава, а настоятельницей пригласили одну из сестер Керченского Георгиевского монастыря монахиню Нину. Под руководством игуменьи последовало восстановление некогда угасающего монастыря, насельницы которого возродили его авторитет в народе» [Там же, с. 254].

История других женских монастырей развивалась в контексте общероссийской традиции эволюции общины в православную женскую обитель. Учрежденный в 1904 году Покровский женский монастырь уже через 10 лет располагал двумя храмами и был обнесен каменной оградой, в которой были устроены две небольшие гостиницы для богомольцев. Отдельно от храма располагалась на каменных столбах небольшая колокольня. Для настоятельницы было построено деревянное одноэтажное с каменной пристройкой помещение, а для жилья сестер и насельниц — 3 каменных двухэтажных и 3 турлучных одноэтажных здания. На территории монастыря располагалось 5 небольших деревянных амбаров для хлеба и провизии, имелась ветряная мельница и кирпичный завод, имелись живописная, коверная и белошвейная мастерские. В церковно-приходской школе обучалось до 14 мальчиков и девочек из близлежащих селений. Монастырю принадлежало 223,8 дес. земли, расположенной на двух участках.

Во главе монастыря была утверждена игуменья Рафаила, а в числе насельниц значились 20 мантейных монахини, 22 указных послушницы, 93 временных послушниц, всего 135 душ. Хозяйство монастыря велось, по мнению благочинного монастырей, очень хорошо. Главные источники средств обители заключались в хлебопашестве, садоводстве и огородничестве. Все труды по ведению хозяйства исполнялись самостоятельно сестрами, получавшими общую пищу в трапезной [ГАСК, ф. 135, оп. 72, д. 907, л. 12—14 об.].

Другим таким монастырем, прошедшим путь эволюции от женской общины, был Казанский Агафодоровский женский монастырь. Его история началась с того, что после получения разрешения 29 мая 1909 года 12 сестер приехали в с. Винодельное Ставропольской губернии и на средства, пожертвованные епископом Агафодором, купили в селе земли бывшего казенного винного склада. Община быстро получила большую поддержку в среде местных жителей и на собранные пожертвования уже через год завершилось строительство больницы-приюта для нищих и калек, а также устроена колокольня при временной церкви. Местное сельское общество пожертвовало проулок для постройки соборного храма, стоимость которого оценивалась почти в 64 тыс. руб. серебром [ГАСК, ф. 135, оп. 71, д. 1032, л. 1—2].

После преобразований в 1913 году заведующая общиной монахиня Раиса с сестрами обратилась с прошением о переводе общины в женский общежительный монастырь. В обращении к Синоду епископ Агафодор отметил, что сделанные им приобретения и пожертвования для общины производились с разрешения императора, а сама община учреждалась в память его родителей, сельского причетника Флегонта Ивановича и Евдокии Ивановны [Там же, л. 3—4, 8]. К этому времени в общине состояло около 80 человек, в их числе было 3 монахини, 6 рясофорных послушниц и 61 проживали на испытании. Хозяйство велось самостоятельно, и община существовала на местные средства. Решением Синода от 19 августа 1914 года Винодельническая община была преобразована в Казанский Агафодоровский женский монастырь [Там же, л. 8—14].

4. Заключение = Conclusions

Православное женское подвижничество на Северном Кавказе развивалось в соответствии с общероссийскими тенденциями, а в некоторых его аспектах имело опережающий характер. Большинство женских монастырей возникли на базе женских общин, и только небольшая их часть — по решению властей региона. Изначально принятый в них общежительный устав усиливал ориентацию на взаимодействие с обществом и выводил их на первый план в миссионерской деятельности.

Все монастыри региона основывались на принципах общежития, существовали за счет собственных заработков и сбора пожертвований. Развитая экономия монастыря открывала возможности обителям для строительства церковно-храмового комплекса, служила основой благотворительной и просветительской деятельности. Исходя из этого, как только было организовано церковное служение на новом месте, свои усилия насельники направляли на обустройство хозяйственной части.

В основе развития женского подвижничества лежали такие факторы, как социально-политические и экономические условия жизни в стране, политика государства в отношении монастырей, аскетические настроения, а также стремление женщин к образованию, саморазвитию и самостоятельности. Пытаясь оправдать свое существование в условиях масштабных реформ Синодального периода, обители интегрировались в систему благотворительной деятельности. При этом благотворительность женских монастырей не была самоцелью, основой жизни в обители оставалась молитва и подвижнический подвиг.

Через глубокую вовлеченность в благотворительную деятельность женские монастыри были больше связаны с обществом, и на собственные средства создали необходимые условия для обучения и воспитания девушек. Женское православное подвижничество изменило понимание статуса женщины в северокавказском обществе, выступило основой осознания ею своего нового положения в нем. Происходящие изменения нашли отражение в укреплении авторитета Русской Православной Церкви на Северном Кавказе.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСК — Государственный архив Ставропольского края. Ф. 135 — Ставропольская духовная консистория. Оп. 1. Д. 51 ; Оп. 1. Д. 877 ; Оп. 4. Д. 212 ; Оп. 7. Д. 195 ; Оп. 71. Д. 1032 ; Оп. 72. Д. 907 ; Ф. 361. Оп. 1. Д. 32.
2. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 796 — Канцелярия Синода. Оп. 147. Д. 733.

Литература

1. Белякова Е. В. Вопрос о диакониссах на Поместном соборе 1916—1917 гг. / Е. В. Белякова, Н. А. Белякова // Церковно-исторический вестник. — 2001. — № 8. — С. 139—161.

2. *Город Моздок* : Исторический очерк. — Владикавказ : РИПП им. Гассиева, 1995. — 279 с.
3. *Денисов Л. М.* Православные монастыри Российской империи / Л. М. Денисов. — Москва : А. Д. Ступина, 1908. — 984 с.
4. *Жуков Д. А.* Проблемы монастырской жизни обителей Ставропольской епархии в начале XX в. / Д. А. Жуков, О. М. Кукленко // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2024. — № 1 (134). — С. 75—78. — DOI: 10.18522/1997-2377-2024-134-1-75-78.
5. *Завьялов А. А.* Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II / А. А. Завьялов. — Санкт-Петербург : А. П. Лопухина, 1900. — 400 с.
6. *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи / В. В. Зверинский. — Санкт-Петербург : В. Безобразова и Комп., 1890. — Т. 1. — 314 с.
7. *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века / П. Н. Зырянов. — Москва : Вербум-М, 2002. — 319 с. — ISBN 5-8253-0027-9.
8. *Кириченко О. В.* Женское православное подвижничество в России (XIX — середина XX века) / О. В. Кириченко. — Москва : Алексиевская пустынь, 2010. — 640 с.
9. *Кириченко О. В.* Настоятельницы Ставропольского Иоанно-Марининского женского монастыря / О. В. Кириченко // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: вопросы источниковедения и историографии. Материалы VII Международных Свято-Игнатиевских чтений. — Ставрополь : Издательский центр СтДС ; Дизайн-студия Б, 2017. — Выпуск 1. — С. 273—296.
10. *Кукленко О. М.* Развитие женского духовного образования в России во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Кавказской (Ставропольской) епархии) / О. М. Кукленко // Гуманитарные и юридические исследования. — 2023. — Т. 10. — № 1. — С. 64—70. — DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.8.
11. *Марие-Магдалинская* женская пустынь на Кубани в деле призрения, образования и просвещения во второй половине XIX — начале XX в. / Е. Ю. Любушкина, И. Н. Моргун, П. Г. Немашкалов, О. Н. Новикова, О. И. Шафранова // Вопросы истории. — 2022. — № 4—2. — С. 32—40. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202204Statyi46.
12. *Монашество* и монастыри в России. XI—XX вв. Исторические очерки / отв. ред. Н. В. Синицына. — Москва : Наука, 2005. — 346 с. — ISBN 5-02-008779-3.
13. *Немашкалов П. Г.* К вопросу основания Свято-Алекسانдро-Афонской Зеленчукской пустыни и её роли среди монастырей Ставропольской и Екатеринодарской епархии / П. Г. Немашкалов // Вестник ПСТГУ. Серия II : История. История Русской Православной Церкви. — 2024. — Выпуск 121. — С. 77—94. — DOI: 10.15382/stur-I12024121.
14. *Немашкалов П. Г.* Проблема организации работы отделений исправительных детских приютов для несовершеннолетних преступников при монастырях Ставропольской и Екатеринодарской епархии в конце XIX — начале XX вв. / П. Г. Немашкалов, Е. Н. Володькова // Гуманитарные и юридические исследования. — 2023. — Т. 10. — № 3. — С. 431—439. — DOI: 10.37493/2409-1030.2023.3.9.
15. *Очерки истории Астраханской епархии* за 400 лет ее существования. В 2-х т. — Ростов-на-Дону : Фолиант, 2002. — Т. 1. — 632 с.
16. *Ростиславов Д. М.* Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей / Д. М. Ростиславов. — Санкт-Петербург : Тип. Мор. м-ва, 1876. — 396 с.

18. *Серафим (Чичагов), архим.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / Серафим (Чичагов), архим. 2-е изд. — Санкт-Петербург : Серафимо-Дивеевского монастыря, 1903. — 851 с.

19. *Смолич И. К.* История русской церкви : 1700—1917 гг. / И. К. Смолич ; в 2 ч. — Москва : Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — Ч. 1. — 800 с.

20. *Титоренко М. Ф.* Из истории православных храмов Верхнего Прикубанья / М. Ф. Титоренко // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2017. — Т. 9. — № 3—1. — С. 79—84. — DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-79-84.

21. *Шаликашвили Е. Н.* Вклад настоятельниц первых женских монастырей в развитие социокультурного пространства Северного Кавказа / Е. Н. Шаликашвили // Научный альманах стран Причерноморья. — 2024. — Т. 10. — № 4. — С. 48—53. — DOI: 10.23947/2414-1143-2024-10-4-48-53.

*Статья поступила в редакцию 04.02.2025,
одобрена после рецензирования 30.04.2025,
подготовлена к публикации 18.07.2025.*

Material resources

GASK — *The State Archive of the Stavropol Territory. F. 135 — Stavropol Spiritual Consistory.* (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive F. 796 — Office of the Synod. Op. 147. d. 733.* (In Russ.).

References

Belyakova, E. V., Belyakova, N. A. (2001). The question of deaconesses at the Local Council of 1916—1917. *Church Historical bulletin*, 8: 139—161. (In Russ.).

Denisov, L. M. (1908). *Orthodox monasteries of the Russian Empire*. Moscow: A. D. Stupina. 984 p. (In Russ.).

Essays on the history of the Astrakhan Diocese over the 400 years of its existence. In 2 volumes, 1. (2002). Rostov-on-Don: Foliant. 632 p. (In Russ.).

Kirichenko, O. V. (2010). *Female Orthodox asceticism in Russia (XIX — mid-XX century)*. Moscow: Alexievskaya pustyn Publ. 640 p. (In Russ.).

Kirichenko, O. V. (2017). Abbesses of the Stavropol St. John Mariinsky Convent. In: *Orthodoxy in the History and culture of the North Caucasus: issues of source studies and historiography. Materials of the VII International St. Ignatius Readings, 1.* Stavropol: STDs Publishing Center; Design Studio B. 273—296. (In Russ.).

Kuklenko, O. M. (2023). The development of women's spiritual education in Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries. (on the example of the Caucasian (Stavropol) diocese). *Humanitarian and legal studies*, 10 (1): 64—70. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.8. (In Russ.).

Lyubushkina, E. Y., Morgun, I. N., Nemashkalov, P. G., Novikova, O. N., Shafranova, O. I. (2022). Mary Magdalene women's desert in the Kuban in the field of charity, education and enlightenment in the second half of the XIX — early XX century. *Voprosy istorii*, 4(2): 32—40. DOI: 10.31166/voprosyistorii202204staty46. (In Russ.).

Mozdok city: A historical sketch. (1995). Vladikavkaz: RIPP im. Gassieva. 279 p. (In Russ.).

Nemashkalov, P. G. (2024). On the issue of the foundation of the St. Alexander Athos Zelenchuk Desert and its role among the monasteries of the Stavropol and Yekaterinodar

- dioceses. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series II: History. The History of the Russian Orthodox Church*, 121: 77—94. DOI: 10.15382/stur-II2024121. (In Russ.).
- Nemashkalov, P. G., Volodkova, E. N. (2023). The problem of organizing the work of correctional orphanages for juvenile offenders at monasteries of the Stavropol and Yekaterinodar dioceses in the late 19th and early 20th centuries. *Humanitarian and legal studies*, 10 (3): 431—439. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.3.9. (In Russ.).
- Rostislavov, D. M. (1876). *The experience of research on the property and income of our monasteries*. Saint Petersburg: Tip. Mor. m-va. 396 p. (In Russ.).
- Serafim (Chichagov), archim. (1903). *Chronicle of the Serafimo-Diveevsky Monastery*. Saint Petersburg: Serafimo-Diveevsky Monastery. 851 p. (In Russ.).
- Shalikashvili, E. N. (2024). The contribution of the abbesses of the first women's monasteries to the development of the socio-cultural space of the North Caucasus. *Scientific Almanac of the Black Sea countries*, 10 (4): 48—53. DOI: 10.23947/2414-1143-2024-10-4-48-53. (In Russ.).
- Sinit syn, N. V. (ed.). (2005). *Monasticism and monasteries in Russia. XI—XX centuries. Historical essays*. Moscow: Nauka Publ. 346 p. ISBN 5-02-008779-3. (In Russ.).
- Smolich, I. K. (1997). *The history of the Russian Church: 1700—1917, 1*. Moscow: Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery. 800 p. (In Russ.).
- Titorenko, M. F. (2017). From the history of Orthodox churches in the Upper Kuban region. *Historical and socio-educational thought*, 9 (3—1): 79—84. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-79-84. (In Russ.).
- Zavvalov, A. A. (1900). *The question of church estates under Empress Catherine II*. St. Petersburg: A. P. Lopukhina. 400 p. (In Russ.).
- Zhukov, D. A., Kuklenko, O. M. (2024). Problems of the monastic life of the monasteries of the Stavropol diocese in the early 20th century. *Humanities and socio-economic sciences*, 1 (134): 75—78. DOI: 10.18522/1997-2377-2024-134-1-75-78. (In Russ.).
- Zverinsky, V. V. (1890). *Materials for historical and topographic research on Orthodox monasteries in the Russian Empire, 1*. St. Petersburg: V. Bezobrazova and Comp. 314 p. (In Russ.).
- Zyryanov, P. N. (2002). *Russian monasteries and monasticism in the 19th and early 20th centuries*. Moscow: Verbum-M. 319 p. ISBN 5-8253-0027-9. (In Russ.).

*The article was submitted 04.02.2025;
approved after reviewing 30.04.2025;
accepted for publication 18.07.2025.*